* * *

Охапку лет — черемуховых веток
Приносит мальчик смелый, твой двойник.
Здесь и теперь между окон двойных
Пылятся клочья высохшего лета.

Знакомые березы под окном,
Зеленые качели над обрывом,
Они живут в неведеньи счастливом,
С весной в ладу в пространстве мировом.

И только люди, проживая век,
Не думают в гордыне иль смятенье,
Что жизнь и смерть — единое смиренье,
Которого не хочет человек.

А мы за то неведенье в саду
Остаток жизни отдали бы смело.
Любовь одна не ведает предела —
Цвети она в раю или в аду.

НА ВЕЧЕРНЯХ ПОЛЕЙ

Куполов величавей церковных
Золотые закаты в глуши,
Пропадаю в лесах подмосковных
Во спасение грешной души.

Поясные, земные поклоны
Отдаю на вечернях полей,
Оглянусь, как заплещутся стоны
Чуть заметных с земли журавлей.

И не молкнет во мне неземное,
И близка мне земная юдоль —
Благодатное слово родное
Выступает наружу, как соль.

ЧЕТЫРЕ ДОМА

Четыре дома у родителей моих
Когда-то было — нары на двоих
За ивовой перегородкой.
Воспитывала мать и малых, и больших
В семье родной лебедушкою кроткой.
Семья отца большая: дед — «старшой»,
Как разрешили молодым переселиться —
Землянку вырыли — и это дом второй,
Там родилась и я под пологом из ситца.
Сухие холмики, река и то Сухая.
По руку левую щебеночный отвал,
По правую — жилища, что Шанхаем
Из ссыльных кто-то в первый раз назвал.
Так и пошло... а за Урал-рекою
Из шпал, из горбылей, известняков
Свои покои ладили изгои
Средь каменистых горок и холмов.
Отец в Агаповке на шпалах дом поставил,
Осталось сладить светлое крыльцо,
Да крышу засмолить... но снег растаял,
Урал разливом выплеснул жильцов
В наш третий дом — не дом, а конный двор...
Пилили, помню, жердевый забор,
Да как блестел ледок в следах копыт,
Он и теперь в глазах моих рябит.
Четвертый наш — гостеприимный дом:
Всех перехожих, странников, бездомных
Он привечал любовью и теплом...
Он и мои девичьи грезы помнит.
Как я любила солнце на полу!
Тепло простых дорожек домотканых,
Полынный запах веника в углу,
Шум тополя. И лунный свет на рамах.
Нас четверо, а мама не поймет,
Зачем разъехались в четыре разных дома?
Все ждет кого-то у пустых ворот...
Теперь ее печаль и мне знакома.

В ДЕРЕВНЕ

Я себя протащу до покинутой нашей деревни.
Эх, какие там люди! В ненаписанной книге прочту
Не обиду на жизнь, а хранимую душу издревле,
Боль за бедность в полях, истощение сил, нищету.

Утром мама моя не отгонит на выпас Буренку —
Нет буренок давно, поразъехались все пастухи.
Вспоминает, родная: «Везли на чужую сторонку
Нас в телячьих вагонах — платить, за какие грехи?»

— Так за что же, за что, — я спрошу, как некрасовский Ваня, —
Выгоняли из дома, бросали на каторжный труд?
— Нас за новые сени, а их вот за новые сани.
— Только батя утешил, — а люди и тут ведь живут!

«Всяко было потом, — скажет мама и тихо заплачет.
Голод, нары да тиф... да родителей бедная смерть.
Только с наших, сиротских, землей переполненных тачек
Завертелась такая на голой степи круговерть!

Мы о городе новом слагали стихи в культбараке,
Ни горячей обиды, ни зла не держали в сердцах,
Только жаль деревеньки, давно утонувшей во мраке,
Жаль, что дети и внуки все больше живут в городах...»

За деревней бегут облака, словно серые волки,
Дуют злые ветра и грызут у домишек бока.
Я уеду теперь навсегда или, может, надолго,
Словно серые волки, бегут и бегут облака.

БРАТУ

1

Приедешь, поклонись далекой
Могиле матери моей.
Скажи, что стала одинокой
Я без нее. А жизнь — бедней.

Да посади — она любила
Цветочки голубого льна,
Чтобы весной цвела могила,
Издалека была видна.

И я приеду, хоть не близко,
К простому привезу кресту
Московский ландыш серебристый,
Волжанке-маме, как мечту.

Да с корневым комком березу
Из леса маминой весны,
Да раскулаченные слезы
Всех, виноватых без вины.

2

Поэту Юрию Костареву

Ты вздрагивал от ритма рифм и строчек,
Откуда мне? Давно их не слыхал…
Но Божий Промысел не знает проволочек:
Ты не писал, как «гибли за металл».
Ты не писал, как отнимали веру.
Ты не писал, как выслали отца…
Твой день рождения в июне, в сорок первом,
Он отлит из горячего свинца.
А город отлит из огня и стали,
И совместились несовместные, они:
Россия-мать, «отец» — Иосиф Сталин,
В язычестве прошли года и дни…
А нынче, брат, не вздрагивай от строчек,
Пиши, пиши *языческую* ночь!
Где все — темно, но дышит Дух, где хочет,
И что услышишь — не прогонишь прочь.

ОКТЯБРЬ

Растоптан и размыт покровный путь.
Под замятью мятежной непогоды
На камень преткновенья повернуть:
Все потерять. Погибнуть. Без исхода.
У русского и нет иной судьбы —
Себя обречь на муки и печали…
А на роптанья робкие толпы,
Что у блаженного копеечку отняли,
Ответа нет… А главы Покрова
Снег оболок. За кисеей туманной
Дрожат они, как редкая листва.
Да устоят под ветром окаянным!